

Иван Лукаш

Август, двенадцатого

0x01 graphic

12 августа 1759 года произошла битва при Кунерсдорфе, в которой русские войска фельдмаршала Салтыкова наголову разбили армию прусского короля Фридриха II

Фельдмаршал Салтыков, старичок в белом ландмилицком мундире, пожевал обритыми запальными губами и глянул через стол, заслонясь от свечи темной горстью:

- Батюшка-граф, мне бы сюда офицера...

Генерал-аншеф граф Фермор осторожно передвинул под столом тупоносый тяжелый ботфорт, чтобы не задеть фельдмаршалу ногу, и негромко сказал в темноту:

- Господин дежурной, премьер-майор, пожалуй сюды.

Невпопад зазвякали шпоры.

К свечам наклонилось молодое лицо: у глаз собраны тонкие полукруги морщин, в глазах отблески свечи, сухо обтянуты скулы, отливают золотом русый кок.

На красном обшлаге фельдмаршала замигали медные пуговицы:

- Постой, батюшка, куды-с ордонанс мой, прости Господи, подевался?

У графа Фермора насмешливо поддалась губа.

Он выбрал из кармана камзола китайскую роговую палочку и лениво стал чистить ногти.

От дыхания, от воскового огня, в шатре стоит тяжелое тепло. Тупея давит генерал-аншефу лоб, под буграми крепко чесалось.

Старичок-фельдмаршал сказал:

- Ан, вон ордонанс мой... Тебя как, батюшка-майор, звать?

- Премьер-майор Александра Суворов, ваше сиятельство! - восторженно крикнул сухошавый юноша, ступивший к столу из темноты.

- Вот и ладно, мил друг... Вот и скажи-ка ты, душа Алексаша, к левому флангу, к самому князю Голицыну, и сей ордонанс от меня в наблюдательный корпус передай, да еще и словами также скажи, чтобы строили фронт обер-батальон в пять линей кареями, кавалерию, чтобы всю в резервы за лес, а мост через Одер-реку мигом зажечь...

Премьер-майор захлопал ладонями по полам мундира и быстро, по-птичьи, загоготал:

- Ваше сиятельство, у Гомера сказано: коней произвели ветры. Гарпия быстроногая родила от Борея лошадей Гектора...

Молодой голос майора осекся.

- Ты, батюшка, што? - удивленно сказал фельдмаршал.

- А понеже жеребец мой породы клевер прямой, ордонанс ваш я, аки ветер, доставлю.

- То-то, душа... Тебя не уразуметь. С Богом ступай.

Шпоры зазвякали в темноту.

Молодой Суворов откинул полог, в просвете стал тенью на миг: сжатая голова, нос как у птицы, дыбится прыть надо лбом.

Вестовой казак в высокой шапке, похожей на черную колоду, подвел двух коней. Казалось, что конь один, но что у него две гривастые головы. Премьер-майор прыгнул в седло.

Крутозадый жеребей откидывал задними ногами, норовя сбросить седока. Суворов без стремян, прижавши ноги к конским бокам, вертелся перед мушкетером, выдыхая сипло и жадно:

- Ну, балуй, балуй, пшол.

Жердь пики, колода казацкой шапки, голова Суворова с отдутыми волосами, сгинули в темноте...

* * *

Мушкетер отсчитал двенадцать шагов до колышка у шатра, пристукнул прикладом, повернул назад.

От расставленных ног мушкетера упала тень.

Зарево красновато засветилось на холстинах шатра. Стали видны оглобли полковых фур, наваленные рогатки. Проснулись верблюдицы генерала-аншефа, сыро зачихали. На крутых боках